

УДК 821.121.1
ББК 84(7Сое)-44
Д12

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Tess Diamond

DANGEROUS GAMES

Copyright © 2017 by Supernova, LLC
Published by arrangement with Avon,
an imprint of HarperCollins Publishers

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Оформление серии *В. Воронина*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Andrian Tam / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Даймонд, Тэсс.

Д12 Опасные игры / Тэсс Даймонд ; [перевод с английского М. Короткой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-110373-6

Переговорица Мэгги Кинкейд ушла из ФБР два года назад, но сейчас, когда похищена дочь сенатора, она понимает, что это преступление тесно связано с ее личным опытом. Она не остановится ни перед чем, чтобы вернуть Кайлу Фибз домой, — даже если придется обратиться за помощью к дико привлекательному военному, который играет по своим правилам... Скоро они уже будут работать вместе двадцать четыре часа в сутки и учиться распознавать сигналы и намеки друг друга.

Но поддаваться искушению и ослаблять бдительность опасно, ведь малейшая ошибка может разбить жизнь этой девочки вдребезги...

УДК 821.121.1

ББК 84(7Сое)-44

© Короткая М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110373-6

— ...Черт, да ты самая сильная женщина из всех, кого я знаю, а я был воспитан женой военного.

Она улыбнулась.

— Посмотри на себя, — сказал он, а затем протянул руку и прикоснулся к ее щеке. Дрожь пробежала по всему ее телу, ей нестерпимо хотелось закрыть глаза, чтобы отдаться этому чувству, но не могла отвести от него взгляд. Он дотронулся до нее так, как будто хотел узнать ее целиком — и хорошее, и плохое, и прекрасное.

— Ты потрясающая, — прошептал он, наклоняясь вперед и слегка касаясь ее губами.

Он поцеловал ее так, как целует женщину солдат, идущий на войну. Как будто она была для него и воздухом, и светом, и песней...

ГЛАВА 1

— Нам надо сидеть тихо.

Голос сестры дрожал, но ее связанные руки, прижатые к плечу Мэгги, были неподвижны. В темноте прикосновение Эрики поддерживало и успокаивало ее, но не могло прогнать вязкий страх, комом засевший у нее в горле. Веревки мучительно туго обвили и стянули ее запястья и при каждом движении грубо терлись о кожу. Она пыталась сдержать всхлипывания, но звук предательски подступал к губам. Она сжала их крепче. Тихо. Им надо сидеть тихо.

— Спокойно, хорошо? Просто сохраняй спокойствие, Мэгги.

Девушки жались друг к другу, прижав колени к груди, как будто пытались стать еще меньше. Комната едва ли была больше шкафа, душная и затхлая, без намека на свежий воздух и свет. Ничего, кроме крошечной тьмы и все усиливающейся духоты.

— Чего он хочет? — прошептала Мэгги.

— Я не знаю, — ответила Эрика. — Нам нужно подождать, и увидим.

— Я хочу домой. — Мэгги зажмурилась, и горячие слезы потекли по ее лицу. Она уже не могла их остановить. — Что мама с папой будут без нас делать?

— Мы найдем выход, — пообещала Эрика, прижимаясь к Мэгги настолько близко, насколько позволяли

веревки. — Все будет хорошо, Мэгс. Но нам надо сохранять спокойствие.

Мэгги крепко зажмурилась, ее сердце бешено заколотилось в груди, почти заглушая звук шагов. Мягкий, когда-то безобидный, звук сейчас заставил все внутри нее перевернуться.

Это был он.

Дверная ручка заскрипела.

Мэгги застонала, сильнее прижимаясь к Эрике.

Он был здесь.

Мэгги бежала по тротуару, ее дыхание учащалось, пошла уже пятая миля. Пот тек по спине и пропитывал ее безразмерную майку, пока ноги точно, что стоило ей определенных усилий, чеканили шаги по дорожке. Замедляться было нельзя, даже если легкие разрывала боль, а икры были в огне. На самом деле боль помогала — она отгоняла воспоминания. Ненадолго, конечно... Но это было уже что-то. И она была рада любой передышке.

Была поздняя весна, и она встала на пробежку пораньше, чтобы избежать послеобеденной духоты, которая началась в это время года. Фруктовые деревья, тянущиеся вдоль беговой дорожки, уже вовсю цвели. Пятна из розовых и белых цветов расплывались в ее глазах, когда она проносилась мимо.

Она бежала без музыки, наедине со своими мыслями. Иногда это было отличное сочетание.

А иногда...

Впрочем, решила она, все бегут от чего-то.

Мэгги почувствовала вибрацию на руке и сбавила шаг, вытаскивая телефон из наручной повязки. Задышавшись, она вытерла пот с лица, прежде чем взглянуть на

экран. Она была так погружена в свою пробежку, что не заметила звонок от Пола. Со страхом и с еще большим чувством вины Мэгги набрала пароль и прослушала сообщение, которое оставил ее бывший жених.

— Мэгги, это Пол. Я звоню еще раз по поводу тех вещей, которые ты у меня оставила до того, как уехала в Африку. Я их все разложил по коробкам. Дай мне знать, когда захочешь забрать их. Или я могу оставить их у консьержа. Просто дай мне знать, как тебе будет удобней. Я... — он запнулся, но в итоге закончил: — Береги себя.

Живот Мэгги скрутило, и глубоко похороненные боль и ужас снова вспыхнули в ней при звуке его неуверенного, заботливого голоса.

Она с силой, возможно, чрезмерной, засунула телефон обратно в повязку. Она не могла разбираться с Полом прямо сейчас. Он снова захотел бы поговорить о том, почему они расстались, и опять заставил бы ее выдержать череду унылых извинений. Пол был хорошим человеком и отличным агентом ФБР, даже несмотря на то что его чрезмерная педантичность иногда раздражала ее. Когда надо было играть по правилам, Мэгги соблюдала их как можно лучше, но при выборе между нарушением правил и спасением жизни она всегда выберет жизнь — и к черту все остальное.

Между ней и Полом все было неправильно. Мэгги любила его — даже сейчас, — но никогда не была влюблена. Осознание этого заняло у нее слишком много времени, и она сожалела об этом больше, чем о чем бы то ни было. При этом Мэгги не была уверена, что и Пол это понял. В его голосе все еще была слышна надежда.

Пол писал ей, когда она была в Чаде, где они с проектом «Чистая вода» копали колодцы и обеспечивали

лучший доступ к чистой воде для местных. Мэгги ответила несколько раз, но, когда она вернулась домой, Пол дал ей время подумать, как джентльмен, которым он и являлся. Мэгги вернулась уже почти шесть месяцев назад, и только сейчас Пол впервые позвонил.

Она посмотрела на часы. Пора было поворачивать к дому. Запах цветущих яблонь и вишен густо стоял в воздухе после вчерашнего весеннего ливня. Мэгги медленно побежала по дорожке, направляясь к железным воротам, ведущим из парка, как вдруг увидела пожилого мужчину, стоящего у выхода. Мэгги резко остановилась, проскользив кроссовками по тротуару. Страх, слово гремучая змея, свернулся у нее в животе. Мужчина приветственно помахал ей рукой, подходя ближе. Тусклый утренний свет бросал отблеск на его лысину, а серый костюм сливался с пасмурным днем.

— Привет, малышка, — сказал он, нежно улыбаясь.

— Что ты здесь делаешь, Фрэнк? — строго спросила Мэгги, уперев руки в бедра. Было время, когда она ни за что бы не осмелилась разговаривать со своим наставником в таком тоне. Но многое изменилось. Он больше не был ее начальником, и работа в ФБР была далеко позади — она ушла оттуда уже больше двух лет назад. Однако это была не первая встреча с Фрэнком после ее ухода из Бюро — они уже встречались. Перед отъездом в Чад и после, каждый месяц или около того, он звал ее на ланч. Мэгги шла, и они разговаривали обо всем, кроме работы. У них был негласный уговор: он не настаивал, и она продолжала приходить на обед.

Однако в этот раз что-то изменилось. Все ее инстинкты — те, что она похоронила, те, что она игнорировала, те, что подвели ее, — обострились снова.

— Мэгги, мне нужно, чтобы ты вернулась, — сказал он своим сиплым голосом. — Первокурсница из Академии Кармайкла исчезла, и я собираю команду. Мне нужны лучшие — а ты лучше всех, малышка.

Паническая атака, как электрический ток, пронзила ее руки и ноги. Она отступила назад, как будто расстояние между ними могло бы уменьшить ее панику. Она не могла. Она не стала бы. Только не после...

Просто будь спокойна, Мэгги. Голос сестры эхом отозвался в ее голове.

— Я не шутила, когда сказала, что я больше не в деле, Фрэнк, — отрезала Мэгги. — С меня хватит переговоров, и я не вернусь в Бюро. Только не после «Шервудских Холмов». Никогда.

Лицо Фрэнка, которое всегда напоминало ей бульдожье, смягчилось:

— Я знаю, как тяжело тебе было в «Шервудских Холмах». Мы не можем победить их всех. Но эта девочка? Ее мы можем вернуть в целостности и сохранности. *Если ты нам поможешь.*

Он полез в карман, вытащил фотографию и вложил ее в руку Мэгги. Она приказала себе не смотреть на нее. Не видеть лицо девочки и не представлять ее потерянной или испуганной. Не волноваться, что она ранена — или того хуже. Она не могла расследовать еще один такой случай. Больше нет. Но фотография в руке притягивала ее, как луна со своим гравитационным полем. Она сжала губы и опустила глаза. На нее смотрела, широко улыбаясь, девочка с клюшкой для лакросса; густая светлая челка обрамляла лицо, из-за чего она выглядела не старше четырнадцати.

Когда-то Эрика была четырнадцатилетней девочкой с детским личиком. Для Мэгги ей всегда было четыр-

надцать: неподвластная старению, застывшая во времени.

Станет ли эта девочка навсегда четырнадцатилетней для своих близких?

Мэгги вздрогнула от этой мысли. Ее пальцы сжали края фотографии так, что пришлось сделать усилие над собой, чтобы не порвать ее.

Ты могла бы ей помочь, прошептал предательский голос внутри нее. Она попыталась отмахнуться от него. К сожалению, Фрэнк было тяжелее игнорировать.

— Почему бы тебе не поехать со мной, чтобы просто послушать? — умолял Фрэнк, пока Мэгги продолжала пристально смотреть на лицо девочки с фото. — Ты могла бы подкинуть команде какой-нибудь совет, если что-то придет в голову. Если ты захочешь соскочить, я найду кого-нибудь, кто отвезет тебя домой. Я отплачу. Обещаю.

Мэгги разгладила уголок фотографии.

— Я не могу, — сказала она. Что, если это случится снова? Что, если она потеряет контроль над ситуацией? Что, если эта девочка тоже умрет?

— Давай, малышка. Ты осталась должна мне, — сказал Фрэнк мягко. — Я подчистил все в «Шервудских Холмах». Я не наделал шумихи, когда ты ушла от меня. Я дал тебе пространство, я дал тебе время. Но сейчас я прошу об ответном одолжении. Ты мне нужна в этом деле. Ты лучше, чем все те ребята, с которыми я работал после твоего ухода.

— Я уверена, что те, кого ты выбрал, очень хороши, — сказала Мэгги.

— Малышка, у тебя что-то вроде таланта, исключительного по своей редкости, — ответил Фрэнк. — Это нельзя сравнивать.

— Но я облажалась, — сказала Мэгги, не в силах заблокировать воспоминания о «Шервудских Холмах». Она все еще слышала тот выстрел. Он отдавался эхом в ее снах. Она никогда не освободится от него, как и от пустой комнаты, которая преследовала ее.

— Ты думаешь, я никогда не лажал? — спросил Фрэнк с дрожью в голосе. — Думаешь, я никогда не проигрывал? Думаешь, все мои дела заканчивались тем, что жертва была в безопасности, а преступник за решеткой? Да ладно тебе, малышка. — Он усмехнулся. — Я учил тебя быть выше этого. Но когда я лажал, я брал себя в руки и шел обратно на свою чертову работу, потому что знал, что это важнее, чем я. Это важнее, чем мы оба, — на кону жизнь девочки. Снова. И я доверяю тебе — ты *нужна* мне, чтобы руководить нами. Нам нужна эта особенная магия Мэгги.

Она посмотрела на него. Когда Мэгги была еще совсем молодой переговорщицей без реального опыта, Фрэнк взял ее под крыло. Он лично выбрал ее в Куантико. Он разглядел в ней талант и развил его. Он тренировал ее и наставлял. Он помог ей прославиться. Это была не его вина, что она так облажалась. И не той девочки с фото.

Черт. Она оказалась между молотом и наковальней. Она была должна Фрэнку. Не только за то, что он прибрался за ней, он сыграл огромную роль в том, что она стала *той, кто она есть*.

— Ладно, — нехотя проговорила Мэгги. В конце концов, она в любой момент может уйти. Как только станет слишком тяжело, она уйдет. — Но только чтобы посмотреть. Я не возглавляю команду, я не возвращаюсь в Бюро. Это просто неофициальное одолжение.

— Пока я могу использовать твое мастерство, ты настолько неофициальна, насколько пожелаешь, — ска-

зал Фрэнк, и его бугристое лицо расплылось в большой, теплой улыбке. Он махнул в сторону железных ворот: — Пойдем.

Мэгги глубоко вздохнула и вышла за Фрэнком через ворота парка, пытаясь не обращать внимания на фантомное ощущение веревок, затягивающихся на ее запястьях.

ГЛАВА 2

Четырьмя часами ранее...

Джейк резко проснулся, открыл глаза и уставился в потолок. Каждый мускул в его теле был напряжен и готов к действиям. Он считал удары своего сердца, его дыхание становилось медленным и ровным, пока глаза привыкали к темноте. На прикроватном столике лежал «Глок», но он не доставал его из кобуры — он был не из тех людей, кто достает оружие до того, как решится выстрелить.

Вместо этого он вылез из кровати, сжимая руки в кулаки. Не такие смертоносные, как пистолет, — большую часть времени. Это зависело от того, насколько злым — или отчаянным — он был в этот момент.

Что-то его разбудило. Звук? Он вытянул шею, прислушиваясь. Затем он услышал его: шорох шагов по гравиию.

Там кто-то был.

Он посмотрел на часы. Было два часа ночи. Это означало плохие новости.

Видимо, его каникулы закончились.

Джейк схватил брюки, пристегивая кобуру с «Глоком» на бедро. Перед тем как раздался стук в дверь, он был уже на полпути к ней, одновременно спускаясь по лестнице и натягивая футболку.

Он распахнул дверь — перед ним стоял генерал Хоффман, его армейский куратор. Это был высокий мужчина с темными с проседью волосами и обманчиво добрыми глазами. Со стороны он казался тем еще сукиным сыном, но новобранцы были неизменно ему верны. Только потому, что у него был тяжелый характер, это не значило, что он был несправедлив.

Генерал был даже более чем справедливым к Джейку, хоть три года назад их сотрудничество началось не слишком гладко. Последнее, чего хотелось бы Джейку, — быть отстраненным от боевых действий и быть загнанным в какой-нибудь офис или, того хуже, рисоваться на мероприятиях в парадной форме и медалях на всю грудь, чтобы все могли ими любоваться.

Вместо этого ему дали уникальную возможность. Рейнджеры подготовили его практически ко всему, а его работа на Ближнем Востоке дала ему ценную информацию об участниках и там, и в Вашингтоне. Так что армия вытащила его из зоны боевых действий и отправила работать в Вашингтон над более... деликатными проблемами. От отмывания денег до шантажа, о запутанности которых он даже не подозревал, — три года в Вашингтоне были как минимум интересными. Но в душе он все еще был солдатом — и, стоя одной ногой в гражданской, а другой — в военной жизни, он пытался устоять и найти баланс.

Служение своей стране имеет много форм, говорил ему генерал, когда поручал первое задание. Ты хорош в этом, О'Коннор.

И это было правдой. Джейк был хорош — вообще-то он был лучшим. Сдержанный и рациональный, он заработал репутацию человека, умеющего решать сложные задачи верно, с первого раза и без суеты.

Если бы он хотел, чтобы его отправили обратно в пустыню, ему бы стоило работать хуже, подумал он с горькой ухмылкой, расправил плечи и отсалютовал.

— Генерал, — сказал Джейк. — Доброе утро, сэр.

Генерал Хоффман кивнул и шагнул к краю крыльца. Джейк последовал за ним, вытянув руки по швам и выжидая.

— Есть дело, — сказал генерал. — Мне только что сообщили, что пропала дочь сенатора Фибса.

Джейк нахмурился:

— Как давно ее нет?

— Они не знают точно, — ответил Хоффман. — Кажется, там была какая-то неразбериха с тем, куда она должна была пойти после школы. Родители думали, что она осталась на ночевку у одноклассницы. Ее подруга думала, что она пошла домой. Все, что нам известно, — это что она покинула школу, но так и не дошла до занятий по лакроссу.

— Черт, это уже почти двенадцать часов, — сказал Джейк.

— Вот почему я бы хотел, чтобы ты помог сенатору, — сказал генерал Хоффман. — Его охрана вполне достойная, но они не подготовлены для такого дела.

Джейк потер подбородок, цепляясь пальцами за щетину.

— Так, какие у нас версии? Требование выкупа в течение следующих шести часов?

— Это моя версия, — мрачно проговорил генерал. — ФБР уже, конечно, предупредили.

— То, что мне нужно, — куча парней в костюмчиках, путающих все на свете, — сказал Джейк, качая головой.

Строгое лицо Хоффмана изобразило что-то наподобие улыбки: